

тичь такой — “диалогической” — одновременности в историческом измерении, в возвращении того же и не того же самого.

Но, конечно, герменевтический комментарий — это редкая удача, которая может состояться, а может и не состояться. Во всяком случае, комментарий “после” интерпретации — это потребность и возможность вернуть интерпретацию в ее “естественное” русло, в русло “понимания”.

- 1 Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы // Шпет Г.Г. Мысль и слово: Избранные труды / Сост., предисл. и коммент. Т.Г. Щедриной. М., 2005. С. 335.
- 2 См. об этом: *Theunissen M. Möglichkeiten des Philosophierens heute* // Ders. *Negative Theologie der Zeit*. Frankfurt a/M., 1989. S. 21–25.
- 3 Бахтин М.М. Собр. соч.: В 7 т. М., 2003. Т. 1. С. 282.
- 4 Гайм Р. Гегель и его время. СПб., 1861. С. 6.
- 5 Об этом см.: *Cassidy S. Flight from Eden: The Origins of Modern Literary Criticism and Theory*. Berkeley, 1990. P. 5–6.
- 6 Кант И. Ответ на вопрос: что такое просвещение? // Кант И. Соч. М., 1994. Т. 1. С. 125.
- 7 Пастернак Б.Л. Собр. соч.: В 5 т. М., 1991. Т. 4. С. 214–115.
- 8 На эту тенденцию в новейшем литературоведении справедливо указал С.Г. Бочаров. См.: *Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы*. М., 1999. С. 11.
- 9 См. об этом, в частности: *Ilsetraut Hadot. Der fortlaufende philosophische Kommentar* // *Der Kommentar in Antike und Mittelalter* / Hrsg. von W. Geerlings und Ch. Schulze. Leiden; Boston; Köln, 2002. S. 182–199.
- 10 *Goethe J.W. Maximen und Reflexionen*. В.; Weimar, 1982. S. 62.

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ И МИФОЛОГИЧЕСКИЕ СЮЖЕТЫ

Ф.Б. Успенский

ЛЮТЫЙ ЗВЕРЬ (ÓARGA DÝR) В ДРЕВНЕЙ СКАНДИНАВИИ: ИСТОРИЯ И ПРЕДЫСТОРИЯ

А СЕ ЛЮТЫ ЗВЕРЬ

Легенда на новгородской печати начала XV в.

В XVII в. В ВЕНЕЦИЮ ИЗ АФИН были привезены два мраморных льва, которые прежде находились в афинской гавани Пирее. Особенно знаменит один из этих львов, на котором в свое время была обнаружена руническая надпись (рис. 1). Строго говоря, на льве запечатлены несколько надписей, выполненных разными резчиками на протяжении XI в.

Разумеется, наибольший интерес у историков и рунологов вызывало содержание этих надписей, относительно плохо сохранившихся и не поддающихся в некоторых фрагментах достоверному прочтению. При этом невольное удивление исследователей вызывал и самый объект, выбранный варягами для нанесения мемориальной надписи по своим погибшим товарищам. Действительно, младшие руны могли вырезаться на весьма разнообразных предметах, но все же круг их вполне ограничен и исчислим. Во всяком случае, появление поминальной рунической надписи на мраморной статуе — предмете изначально экзотическом для самих скандинавов, — явление достаточно необыкновенное.

В последнее время наиболее определенно на этот счет высказалась Е.А. Мельникова: “Необычный выбор предмета, на ко-

торый была нанесена мемориальная надпись, мог диктоваться как отсутствием подходящего материала для стелы и времени для ее обработки, так и выгодным расположением скульптуры — на воротах Пирейской гавани, где надпись могла быть увидена и прочитана многими приезжающими сюда скандинавами — главное условие при выборе места для памятника”¹.

Рис. 1. Статуя пирейского льва с рунической надписью

В самом деле, пирейский лев был достаточно выгодно расположен, находясь на возвышении у входа в афинскую гавань. Однако в окрестностях Афин не было недостатка ни в подходящих точках

рельефа, ни в материале для мемориального знака. Трудно объяснить столь прихотливый выбор и простым отсутствием времени у заказчиков и исполнителей надписи. Судя по всему, скандинавы бывали в этих краях неоднократно. Кроме того, рунический памятник вовсе необязательно должен был стоять близ места, где погибли названные в надписи люди, зачастую он появлялся лишь длительное время спустя после их гибели. Таким образом, пирейский лев, скорее всего, был выбран первым резчиком отнюдь не случайно, не потому что ему не хватало времени, места или материала. Чем же мог быть обусловлен такой выбор?

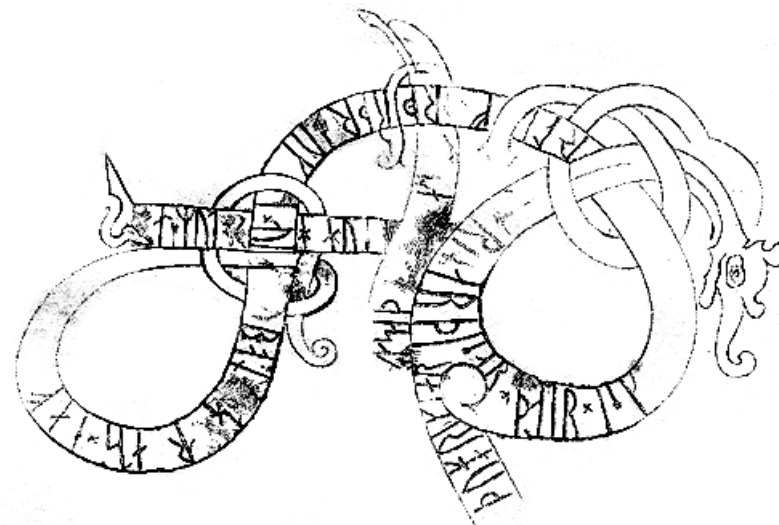

Рис. 2. Фрагмент орнамента на пирейском льве

Как кажется, к ответу на этот вопрос нам помогает приблизиться то орнаментальное оформление, которое мастер (а вернее, мастера) вырезает вместе с рунами. Текст на статуе обрамлен совершенно традиционным для рунических надписей эпохи викингов изображением — он помещен на туловище так называемого рунического Змея, который образует своего рода извивающуюся строку (рис. 2).

Рунический Змей — это, без преувеличения, один из самых известных и широко распространенных атрибутов надписей эпохи викингов. Иногда изображение Змея служит лишь орнаментальной рамкой для рунического текста, но гораздо чаще рунические знаки вырезаются непосредственно на нем. Особенности рисунка, направление изгибов тела этого орнаментального существа в значительной степени задают, таким образом, направление и последовательность чтения текста.

В то же время рунический Змей связан не только с плоскостью, но и с пространством: иногда он может переходить с одной поверхности камня на другую, как бы обвивая его, а иногда форма Змея воспроизводит очертания камня. При этом, как кажется, не всегда возможно установить, заданы ли изгибы Змея контуром камня, или, напротив, туловище Змея определяет форму обработки камня.

Что весьма существенно для нас, фигура Змея очень часто сочетается на поминальных камнях с другим, не менее известным изображением, знаменитым руническим Зверем. В сущности, переплетение двух этих изображений и формирует доминирующую часть орнамента на многих камнях и предметах. *Змей оплетает Зверя* — так в предельно упрощенной и огрубленной форме можно описать орнамент и на знаменитом камне из Йеллинге, и на многих других поминальных стелах, не говоря уж, например, о флюгере с острова Готланд (рис. 3).

Судя по всему, резчик (или резчики) рун стремился создать в Пирейской гавани именно такую, традиционную для них композицию. Иными словами, первый мастер “опознал” в пирейском льве рунического Зверя и “дополнил” его остальными атрибутами мемориального знака — руническим Змеем и поминальной надписью. Соотношение плоскостных и объемных элементов оказалось не вполне обычным, ведь лев служил и камнем и Зверем, т. е. тем, что традиционно высекалось на камне. Однако подобное смешение элементов, как кажется, особенно не противоречило самой традиции рунических монументов. Камню могла придаваться форма (хотя, разумеется, не столь сложная, как наша греческая скульптура), надпись и орнамент переходили, перешагивали, переползали с одной плоскости на другую.

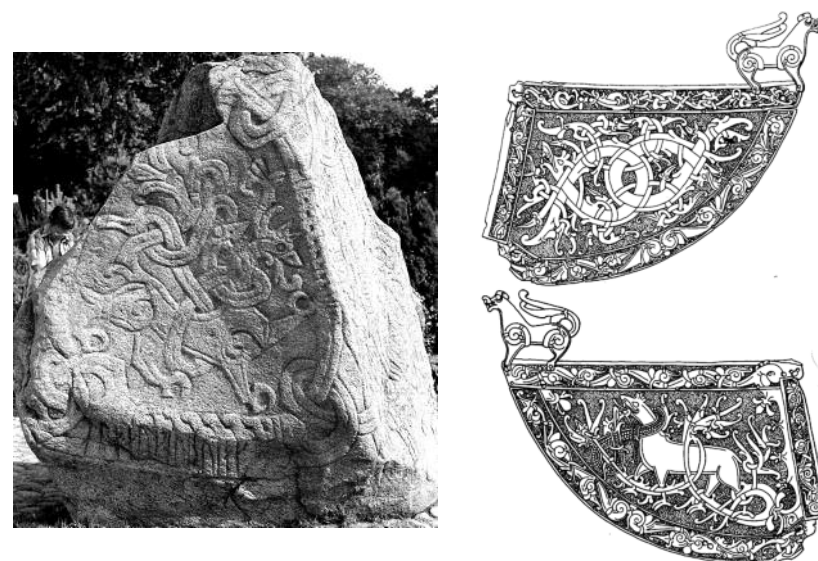

Рис. 3. Камень из Йеллинге (Дания)
и готландский флюгер

Собственно говоря, форма камня, орнамент и рунические знаки призваны были создавать единое семантическое и эстетическое целое, своего рода семиотический комплекс — именно такой синкретизм элементов и делает лучшие образчики этих монументов подлинными произведениями искусства. Не вызывает сомнения, что нечто подобное попытались создать те, кто вырезал рунического Змея на пирейском льве, вовлекая, встраивая произведение чуждой культуры в собственную символическую парадигму.

Итак, мы полагаем, что скандинавский мастер XI столетия “узнал” в скульптуре льва рунического Зверя, и это “узнавание” оказалось совершенно понятным его соотечественникам, так как несколько позднее другие резчики продолжили его дело, нанеся на мрамор еще несколько поминальных надписей. Такое предположение вызывает к жизни следующий вопрос, возможно, куда более сложный, чем первый: кто, собственно, такой этот руниче-

ский Зверь, однажды вдруг воплотившийся в пирейском льве? Несколько упростив задачу, можно задать этот вопрос по-другому: считали ли скандинавы собственного рунического Зверя львом, коль скоро они сочли чужеземного льва руническим Зверем?

Изображения скандинавских орнаментов, по-видимому, никак не могут предоставить простого и ясного ответа на этот вопрос. Существа, смотрящие на нас с рунических камней, многолики и многообразны. Некоторые из них более или менее определенно отождествляются с реальными животными, например с конем. Однако есть довольно обширная группа изображений, где столь однозначное отождествление кажется невозможным. Едва ли такого Зверя можно напрямую назвать львом, волком, медведем, быком или оленем. В то же время в его изображениях явно угадываются черты, позволяющие исследователям попеременно отождествлять их то с одним, то с другим из этих животных. При этом в многочисленных работах, посвященных этой проблеме, подспудно присутствует мысль о том, что при всем разнообразии рисунков на различных камнях речь идет об одном и том же Звере, кем бы он ни был и как бы он ни назывался.

Иначе говоря, обнаруживая сходство каких-либо конкретных изображений Зверя с реальными животными, ученые пытаются определить, кем был рунический Зверь как таковой. При этом и относительно одного-единственного изображения исследователям, да и всем зрителям, бывает нелегко прийти к согласию. Так, уже упоминавшееся изображение на одной из частей знаменитого рунического камня в Йеллинге (см. рис. 3) трактуется то как фигура волка Фенрира, связанного змеем, то как фигура орнаментального льва, борющегося со змеем, то как схватка змея и грифона.

Исследователи придумали различные названия для рунического Зверя, в работах нередко можно найти упоминания Шагающего Зверя, Большого Зверя, Хватающего Зверя. Однако все это придумано в Новое время, а то, кем был для самих средневековых мастеров рунический Зверь, мы не знаем. Иными словами, у нас есть денотат, но нет его означающего, хотя речь идет, по-видимому, о чрезвычайно важном культурном концепте.

Между тем в западноскандинавских текстах мы обнаруживаем некоторую конструкцию, включающую слово “зверь”, про которую с первого взгляда невозможно сказать, кого или что она обозначает. Иначе говоря, у нас есть некий сигнификат без очевидного денотата. В древнеисландских и древненорвежских текстах существует устойчивое, хотя и не очень распространенное сочетание *þarga (úarga) dýr*, которое может быть переведено как “нетрусливый, бесстрашный, неробкий, свирепый, лютый Зверь”. В дальнейшем, для простоты повествования, мы будем называть этого зверя лютым, хотя при таком переводе стирается очень важная для нас внутренняя форма слова, поскольку *þarga (úarga)* есть не что иное, как отрицательная форма прилагательного *argr / ragr*, о значении которого мы скажем чуть позже. Существенно сразу же подчеркнуть, что формула *þarga (úarga) dýr* обладает всеми признаками лексикализованного словосочетания. Прилагательное *þargr / úargr* употребляется регулярно только со словом “зверь” (*dýr*)², может фигурировать в качестве прозвища при имени человека и не обладает способностью свободно сочетаться с какими-либо другими словами.

Зверь, скрывающийся за этим устойчивым словосочетанием, как правило, отнюдь не очевиден. Казалось бы, здесь нам должны помочь данные переводных текстов, где у нас есть возможность сопоставить нашего лютого зверя с каким-то более определенным названием зверя из оригинала. Дело в том, однако, что в западноскандинавских переводах выражение *þarga dýr* выступает как обозначение экзотических, “литературных” хищников. Даже в тех случаях, когда мы располагаем таким фрагментом оригинала, где прототип лютого зверя назван терминологически, весьма затруднительно определить, как осмыслялся и с чем ассоциировался для книжника-переводчика, к примеру, лев, крокодил, пантера или барс из оригинального текста.

Тем не менее поначалу может показаться, что *þarga dýr* западноскандинавских переводных памятников — это лев. Однако здесь необходимо помнить о нескольких вещах. Первая из них — самая простая и конкретная. Для обозначения льва у скандинавов существовало вполне точное и определенное слово, заимствованный термин *leó[n]*. Другое обстоятельство связано с общей

спецификой древнеисландских переводов. То, что мы находим в исландских и норвежских рукописях XII—XIII вв. — это, по сути дела, не перевод в современном смысле слова, а, скорее, вольное переложение текста, будь то фрагменты Библии или рыцарский роман. Зачастую в этом переложении осуществлялся не столько перевод слов, сколько пересчет понятий. В частности, библейская терминология могла передаваться с помощью слов, обозначающих некие реалии из собственно скандинавской культуры. Здесь достаточно вспомнить в качестве иллюстрации *ярла* Пилата, расправляющегося с Христом, или древних иудеев, пользующихся *руническим письмом*.

Таким образом, если мы обнаруживаем в исландском или норвежском тексте упоминание о том, что Давид разорвал надвое пасть лютому зверю, мы можем с большей или меньшей уверенностью говорить, что *þarga dýr* соответствует здесь льву, хотя перевод этот и не вполне буквален³. В древнеисландском энциклопедическом сочинении сообщается о том, как Самсон “одними своими руками” умертвил лютого зверя и ослиной челюстью убил тысячу своих противников⁴. Мы знаем, что в библейском тексте Самсон убивает льва, и, соответственно, можем допустить, что и здесь под лютым зверем подразумевается именно лев. Аналогичным образом, читая в нескольких древнеисландских источниках о Данииле, сидящем в яме с лютыми зверями, мы с относительной уверенностью предполагаем, что речь все же идет о рве львином⁵.

Вопрос о том, почему книжник в приведенных эпизодах не использует слово “лев”, пока остается вопросом, правда, возможно из наших дальнейших построений вырастет некоторое подобие ответа на него. Следует сказать, однако, что и внутри этой книжной традиции есть куда более сложные случаи, где *þarga dýr* обозначает, скорее всего, не льва. Например, герой поздней “Саги о Мирманне” (XIV в.) видит лютого зверя во сне⁶. Описание этого существа достаточно точно соответствует тому, как должна вести себя пантера, разумеется, не реальная пантера из “Физиолога” и прочих бестиариев⁷. *Þarga dýr*, оказавшийся, кстати, самкой, источает сладостный аромат и — вопреки ожиданию героя — не причиняет ему никакого вреда, но, напротив, ведет себя весьма дружелюбно.

Таким образом, в текстах, имеющих инокультурный образец, лютый зверь — это экзотический для скандинавов хищник, зачастую выполняющий некие сложные символические или аллегорические функции. Лев может быть назван *þarga dýr* лишь постольку, поскольку для континентальной общехристианской традиции именно этот образ больше всего “нагружен” символическими и аллегорическими функциями, хотя, разумеется, такие функции могли возлагаться и на других животных, и в этом случае и для них годилось обозначение “лютый зверь”.

Не случайно в текстах, связанных с собственной историей скандинавов, сочетание *þarga dýr* часто фигурирует в вещих снах и пророчествах. Самый знаменитый пример такого рода — это рассказ в “Гнилой коже” о пророчестве, которое конунг Сигурд Крестоносец услышал в Константинополе. Это предсказание гласило: слава и почет Сигурда конунга будут расти подобно лютому зверю, который широк (силен) в плечах, но уменьшается к задней своей части⁸. В этом тексте зрительный образ, стоящий за словосочетанием *þarga dýr*, может быть более или менее определенно соотнесен со львом (или, разве что, с пуделем), если вообще твердо стоять на том, что под *þarga dýr* здесь подразумевается реально существовавший, так сказать, зоологический вид.

Другой пример можно найти в “Саге о Хрольве Гаутрекссоне”, где *þarga dýr* появляется в беспокойных снах шведской королевы Ингигерд. Ей снится сон, в котором стаей волков предводительствует медведь и лютый зверь. Истоковывая сновидение, Ингигерд решает, что лютый зверь — это дух-хранитель (*fylgja*) конунга Хрольва, а медведь — его побратима Ингьяльда. По дружелюбному виду и поведению этих животных она пытается определить, какие намерения — воинственные или мирные — заставили Хрольва прийти в Швецию. В другом сне королевы Ингигерд опять появляется сбегаящая с кораблей стая волков, которой предводительствует лютый зверь, два медведя и огромный вепрь. Из этого сна королева Ингигерд заключает, что конунг Хрольв и его люди собираются напасть на ее государство⁹.

Итак, лютый зверь (*þarga dýr*) — это животное-символ, животное из снов и пророчеств, и потому это выражение так легко задействуется в переводных текстах для обозначения инокуль-

турных символических существ. Символика лютого зверя связана со *свирепостью*, *яростью* и в то же время с *властью* и *могуществом*, т. е. приблизительно с теми же качествами, которыми в иносказательном языке библейской традиции наделяется лев. При этом, однако, в континентальных текстах далеко не один лев является воплощением этих качеств в мире символических животных. Стало быть, далеко не только лев может обозначаться выражением *þarga dýr*.

С нашей точки зрения, это скандинавское выражение отнюдь не является продуктом и принадлежностью языка книжной культуры. Более того, можно попытаться, на наш взгляд, обозначить круг его значений за пределами энциклопедической традиции. Весьма специфическая описательная конструкция с отрицательной формой прилагательного (*ó-argr*) наводит на мысль о том, что перед нами либо калька с соответствующего выражения из какого-либо языка средневековой европейской культуры, либо автохтонное эвфемистическое именование, пришедшее в письменную культуру из устной традиции. Прототипа, словосочетания-источника для образования такой кальки найти не удалось. Таким образом, перспективным представляется предположение, что изначально *þarga dýr* было образовано как эвфемизм и целиком принадлежало собственно скандинавской устной традиции.

Коль скоро мы считаем, что словосочетание *þarga dýr* возникает не под воздействием книжной культуры, а существовало в языке и прежде, то история его бытования поневоле должна быть разделена на несколько этапов. Соответственно, значение этого выражения на разных этапах неизбежно окажется различным. Действительно, в языке, еще не затронутом влиянием письменных инокультурных источников, выражение “лютый зверь” едва ли могло служить эвфемизмом для льва или какого-либо другого экзотического хищника вроде пантеры, поскольку в Скандинавии эти звери не водились. В то же время это словосочетание, по-видимому, обладало неким семантическим потенциалом, позволившим впоследствии использовать его для обозначения именно различных символических и экзотических для Северной Европы зверей. При таком подходе ясно, что мы не можем всякий раз приписывать этому выражению денотаты из книжных текстов.

Тем не менее выяснение того, чем являлось то или иное выражение за пределами письменного языка, разумеется, всегда остается нелегкой задачей. Ведь все, чем мы располагаем при описании интересующей нас дописьменной эпохи, — это письменные тексты. Выражение же *þarga dýr* с определенного времени находит для себя в литературном языке весьма устойчивую и адекватную функциональную нишу, и извлечь его из этой ниши, чтобы посмотреть, какими функциями оно могло обладать прежде, весьма непросто.

В этом отношении весьма любопытно функционирование различных компонентов устойчивого словосочетания *þarga dýr* в тех текстах, которые в наименьшей степени связаны с континентальной традицией. Разумеется, удельный вес этих компонентов словосочетания неодинаков: как уже говорилось выше, прилагательное *þargr* употребляется почти исключительно внутри интересующего нас выражения, тогда как слово *dýr* ‘зверь’ естественным образом обладает куда большей свободой сочетаемости. Тем не менее слово *dýr* входит, помимо интересующего нас *þarga dýr*, и в другие словосочетания, обладающие определенной семантической цельностью и еще некоторыми специфическими особенностями, о которых речь пойдет дальше.

Начнем с прилагательного *þargr*. Как уже отмечалось, оно является отрицательной формой от слова *argr* / *ragr*. Само по себе *argr* занимает совершенно особое место в правовых текстах и в древнескандинавской культуре в целом: оно значило ‘трусливый, робкий, немужественный’, но также ‘женоподобный, распутный, лишенный мужского начала (о мужчине)’¹⁰. В правовых текстах *argr* / *ragr* отнесено к кругу обценной лексики, связанной, по-видимому, с обвинением мужчины в пассивном гомосексуализме. Еще в дописьменную эпоху появляется эвфемистическая замена прилагательного *argr*, образованного путем метатезы, *ragr*, но и эта табуистическая форма рассматривалась как тяжкое оскорбление, каравшееся по закону:

“Есть три слова, <...> которые, все, влекут за собой объявление вне закона: если человек называет другого человека *ragr* или *stroðinn*, или *soðinn*, с него должно быть взыскано как за <произнесение> других не-

пристойностей, словесных оскорблений, клеветы и напраслины. Человек также имеет право убить за эти три слова”¹¹.

Любопытно, что значение ‘трусливый’ и ‘распутный, извращенный’, присущие слову *argr / gafr* в языке, могут то разводиться, то объединяться. По-видимому, *argr / gafr* считалось качеством, свойственным нечистой силе, воплощению зла, а в христианские времена — дьяволу. Так, например, в сагах о древних временах злой дух, злая сила названа *örg vættr*, а в древне-норвежской “Книге проповедей” *argr* употребляется в качестве одного из эпитетов дьявола (*hinn argi djöfull*)¹². Весьма существенно, что для обозначения такого рода воплощения зла могло употребляться и выражение *hitt argasta djúgr*. Подчеркнем, что в этом сочетании присутствует слово “зверь” (*djúgr*), а прилагательное *argr* фигурирует в превосходной степени. Тем самым к злым духам приложим не только эпитет *argr / gafr*, но и само слово “дух” или “дьявол” может адекватным образом замещаться словом “зверь”.

Последняя из интересующих нас конструкций употреблена в своего рода заклятии, произнесенном перед употреблением нечистого, неподобающего питья. В одной из саг рассказывается, как несколько исландцев, мучимые жаждой на корабле, вспоминают, что прежде людям приходилось пить в таких случаях мочу, смешанную с морской водой. Один из них, Торгильс, берет сосуд с напитком и произносит заклятие (соответствующее по форме пиршественному тосту). В нем Торгильс обращается к *hitt argasta djúgr*¹³, который препятствует их путешествию, заявляя, что тому не удастся заставить ни его самого, ни его спутников пить собственную мочу. При произнесении этих слов птица, похожая с виду на гагарку, покидает с отвратительным криком корабль и летит на север. Терпящие бедствие воспринимают это как Божественное предзнаменование, выплескивают напиток за борт и гребут еще некоторое время, после чего находят пресную воду¹⁴.

Разумеется, про эту сагу нельзя сказать, что она полностью лишена христианских мотивов. Можно, кстати, вспомнить и о том, что именование дьявола зверем представляет собой одну из обще-христианских универсалий. Однако не менее очевидна и, так ска-

зать, фольклорная составляющая саги. Дьявол из проповеди и злая сила из заклятий здесь, в сущности, слиты и неразличимы.

Очень интересно и весьма показательно в связи с проблемой лютого зверя употребление прилагательного *argr / gafr* с названиями конкретных животных. В качестве эпитета *argr* часто появляется, когда речь заходит о козе (*geit*), олицетворявшей в древнескандинавской традиции как похоть, так и трусость. В столь же двойственном значении *argr* может употребляться, когда характеристики этого животного переносятся на человека. В сагах мы встречаем устойчивый оборот *argr / gafr sem geit*, который равно мог обозначать “похотливый как коза”, и “трусливый как коза”.

Качества, обозначаемые эпитетом *argr / gafr*, считались, по-видимому, неотъемлемыми признаками этого животного. Эпитет “смелая, бесстрашная” мог прилагаться к козе лишь иронически, в насмешку. Так, в “Саге о Бьерне, богатыре с Хит-реки” Бьёрн сочиняет хулительные стихи, где, в частности, называет Торда “отважным как коза” (*jafnsnjallr sem geit*)¹⁵. Уподобление козе — оскорбительное само по себе — в данном случае лишь усиливается употреблением оксюморонного эпитета¹⁶. При этом, как явствует из текста, сравнение с козой не ограничивается обвинением в трусости: все насмешки Бьёрна носят отчетливо выраженный обценный характер, в сущности, их конечной целью является обвинение Торда в пассивном гомосексуализме¹⁷. Весьма выразительны в этом отношении, например, насмешки Синфьотли над Гранмаром в “Саге о Вельсунгах”. Три его издевательские реплики, очевидным образом, связаны с пассивным гомосексуализмом — он говорит, что его противник “был вельвою и хотел замуж”¹⁸, “был валькирией в Асгарде, которой все домогались, а я родил с тобою девять волков на Ланганесе, всем им я был отцом”¹⁹, “был кобылой у жеребца Грани”²⁰ (ср. самое имя оскорбляемого — Гранмар, обладающее “конской семантикой”). Одно только именование мужчины словом, обозначающим существ женского рода, само по себе являлось оскорблением, караемым по закону²¹. На этом фоне особенно ясно, что следующее обвинение — “был ты затем козопасом у Голни йотуна” (*vartu geitsveinn Göltnis jötuns*) — также имеет прямое отношение к мотиву пассивного гомосексуализма²². Число

примеров, вроде того, как бог Локи в “Младшей Эдде” развлекает богиню Скади, обвязав веревкой козу за бороду, другим концом — себе за мошонку, можно было бы с легкостью умножить. Судя по всему, коза олицетворяет “не мужское поведение” в самом широком смысле, что хорошо согласуется со всеми случаями употребления при названии этого животного эпитета *argr*, который также характеризует различные аспекты, различные составляющие немужественного в мужчине.

Парадоксальным образом слово *argr* использовалось и в качестве прозвища для персонажа, совершившего многочисленные подвиги. Его называют Рэв *inn gagi*. Сюжет саги о нем во многом построен на двух толкованиях этого прозвища. Одно связано скорее с трусостью главного героя и отсылает к эпизоду, когда он испугался белого медведя; другое же связано со слухами о том, что Рэв “каждую девятую ночь превращался в женщину и нуждался в мужчине”²³. Это прозвище, вне всякого сомнения, носило уничижительный характер, как повествует сага, ему пришлось убить пятерых поселенцев, чтобы избавиться от этого уничижительного эпитета. Иными словами, Рэв полностью реализовал предоставленное ему законом право на убийство в ответ на данное оскорбление.

Существенно, что прозвище *inn gagi* дается человеку со “звериным” именем *Refr* (‘Лис’). Обращаясь к зоологической семантике имени героя этой поздней саги, нельзя не отметить, что качества, характеризующие эпитетом *argr*, никоим образом не были связаны с лисом или лисицей. В качестве характерных черт им приписывались скорее хитрость, изворотливость и коварство (ср. выражение: *slægr sem refr* “хитрый как лис”), что и отразилось в другом именовании героя — “Хитрый Рэв (‘Лис’)” (*Króka-Refr*).

В определенном смысле значительная часть саги посвящена тому, как герой пытается избавиться от прозвища, семантически с его личным именем никак не связанного (*inn gagi*), и закрепить за собой то, которое его имени соответствует (*krókr*). Примеры, когда прозвище семантически продлевает, дополняет, как бы “уточняет” личное имя и во многом этим личным именем обусловлено, как мы увидим ниже, не столь уж редки у скандинавов.

Итак, даже поверхностный обзор круга значений прилагательного *argr* позволяет утверждать, что его дериват, *ó-argr* ‘не-*argr*’, имеет самое непосредственное отношение к кругу табуизируемых слов и “запретных” понятий, прозрачных иносказаний и эвфемистических замен, связанных как с миром людей, так и с миром животных.

Любопытно, что в текстах коза едва ли не чаще упоминается как олицетворение трусости и распушенности, нежели как реальное животное. При этом козе, априори являющейся *argr*, естественным образом противопоставлен не кто иной, как волк. Мы располагаем, в частности, достаточно древними примерами такого противопоставления. Так, в героических песнях “Старшей Эдды” говорится, что враги также бежали от Хельги, убийцы Хундинга, как козы бегут от волка:

“Так убежали / в страхе безмерном / перед Хельги враги / и родичи их, / как козы бегут / по горным склонам, / страхом гонимы, / спасаясь от волка”²⁴.

Сравнение подобного рода, когда герой уподобляется волку, а противники убегающим от него козам, “застывает” в качестве своеобразной повествовательной формулы, которая в том или ином виде попадает в поздние саги о древних временах и в такие тексты, как “Сага о Тристане и Изольде” или “Сага о Карле Великом”. Коза в известном смысле стабильно, постоянно противопоставлена волку, а люди, уподобляемые козам, противопоставлены тем, кто уподобляется волкам. Естественным предположить, что коль скоро с козой связан эпитет *argr*, то противоположный эпитет, эпитет-антоним, должен был столь же устойчиво ассоциироваться именно с волком.

Как мы помним, в дошедших до нас текстах этот эпитет-антоним чаще всего употреблялся в составе связанного словосочетания *óarga djúg*. Однако изредка, — что для нас особенно важно, — интересующее нас слово *óargr* фигурирует в ином качестве. За пределами выражения “лютый зверь” оно известно нам в качестве прозвища. Нам удалось обнаружить всего лишь двух носителей этого раритетного прозвища. Один из них — некий Торбьёрн *óargi*,

упоминаемый в “Книге о заселении земли”²⁵. О его судьбе, кажется, решительно ничего не известно, кроме того, что он был отцом двух поселенцев в Исландии, Торбранда и Асбранда.

Гораздо более известен другой обладатель прозвища *þargi*. Для нас самое существенное сегодня, что его носил человек по имени Ульв (*Úlfr* = ‘Волк’). Это Ульв *þargi*, прапрадед знаменитого исландского скальда Эгиля Скалагримссона. То обстоятельство, что в его роду волчья семантика имени не была нивелирована, стерта, демонстрируется, например, в рассказе о его внуке, который был назван в его честь *Ульвом*, а впоследствии получил еще и прозвище “Вечерний”. В совокупности его имя и прозвище образовывали сочетание ‘Вечерний Волк’ (*Kveld-úlfr*), которое находит свое объяснение в саге. Рассказывается, что поведение *Квельдульва* радикально различалось в зависимости от времени суток:

“...он мог дать добрый совет в любом деле, потому что отличался большим умом, но каждый раз, когда вечерело, он начинал избегать людей... к вечеру он делался сонливым. Поговаривали, что он оборотень...”²⁶.

Если имя и прозвище внука явным образом осмыслялось как цельное сочетание со значением ‘Вечерний Волк’, то имя и прозвище деда — *Úlfr þargi* — с большой вероятностью могло трактоваться как “лютый Волк”. Прозвище-эпитет “вечерний” в значительной степени обусловлено, детерминировано именем. Вместе они обозначают оборотня, вервольфа, того, кто вечером оборачивается волком. Естественно предположить, что и прозвище-эпитет *þargi* также детерминировано собственным именем Волк (*Úlfr*), т. е. *þargi* подчеркивает то бесстрашие или ту свирепость, которые свойственны именно волку. Прозвища деда и внука, таким образом, обретают законченный смысл только в сочетании с их именами.

Эпитет “лютый” (*þargi*) оказывается естественным продолжением имени Волк (Ульв). В определенном смысле обладатель этого имени не может не быть бесстрашным. Именованье волка “трусливым” отчасти являет собой такой же немислимый оксюморон, как именованье козы “смелой, отважной”

(см. выше). Вопиющая противоречивость сочетания “трусливый волк” обыгрывается в том эпизоде “Саги об Олаве Святом” из “Круга Земного”, где речь идет о ссоре конунга *Кнута Великого* и ярла *Ульва*, отца будущего правителя *Дании Свейна Эстридссона*.

Ярл *Ульв* изображается в саге мудрым правителем и отважным воином, в частности, именно он спасает конунга *Кнута* от окончательного разгрома у реки *Хельги*. Вскоре после этой битвы *Кнут Великий*, разгневавшись на *Ульва*, своего зятя, приказывает убить его, и это убийство описывается как кровавое злодеяние, попирающее все законы и обычаи. При этом в ссоре за игрой в шахматы, послужившей причиной всему произошедшему, конунг *Кнут* называет ярла “Ульвом трусливым” (*Úlfr hinn ragi*), что, разумеется, было воспринято ярлом как грубейшее оскорбление:

«Когда конунг *Кнут* и *Ульв* ярл играли в шахматы, конунг сделал неверный ход, и ярл взял его коня. Конунг взял свой ход обратно и сказал, что сделает другой ход. Ярл рассердился, сбросил шахматную доску и пошел прочь. Конунг сказал: “Ты бежишь, *Ульв Трусливый?*” Ярл остановился в дверях, обернулся и сказал: “Это ты бежал бы у *Хельги Реки*, если бы мог! Ты не называл меня *Ульвом Трусливым*, когда я со своими кораблями пришел к тебе на помощь. Шведы избивали вас там, как собак»²⁷.

В саге надление ярла *Ульва* эпитетом *hinn ragi* — это в определенном смысле первый абсолютно недопустимый поступок *Кнута* в чреде дальнейших беззаконий. Ярла убивают в церкви на *Михайлов день*, прямо в алтаре, а конунг подкупает монахов, чтобы они не закрывали церковь и продолжали отправлять службы. Очевидно, что человек со “звериным” именем *Ульв* мог наделяться самыми различными прозвищами, и лишь прозвище *hinn ragi* было совершенно неприложимо к его имени. В сущности, характер ярла и семантика его имени оказываются в равной мере несовместимы с таким прозвищем.

Сказанное полностью подтверждает другой эпизод из “Круга Земного”, где эпитет *ragi* ситуативно вновь связывается со “звериным” именем *Ульв* (*Úlfr* = ‘Волк’). В “Саге об Олаве

Трюггвасоне” описывается подготовка конунга Олава к решающей морской битве, в которой ему суждено было погибнуть:

«Конунг громко крикнул, приказывая продвинуть вперед его большой корабль, чтобы он не оказался сзади всех других кораблей. Тогда Ульв Рыжий (Úlfr inn gauði, знаменосец конунга Олава. — Ф. У.) отвечает: “Если Змей будет настолько дальше выдвинут вперед, насколько он длиннее других кораблей, то здорово будет доставаться тем, кто стоит на его носу!” Конунг говорит: “Не знал я, что тот, кто стоит на носу моего корабля, не только рыж, но и труслив (gauðan ok gagan)”. Ульв говорит: “Попробуй-ка защити так спиной корму, как я буду защищать нос!” Конунг схватил лук, положил на него стрелу и стал целить в Ульва. Ульв сказал: “В другую сторону стреляй, конунг, туда, куда нужнее. Ведь для тебя делаю я то, что делаю”»²⁸.

В отличие от рассказа о Кнute Великом и ярле Ульве здесь связь между “звериным” именем знаменосца и оскорбительным эпитетом не столь эксплицитна, но приведенный эпизод можно рассматривать как попытку Олава обыграть, видоизменить, а точнее, расширить прозвище своего сторонника. Острота Олава построена, так сказать, на устранении границ между окказиональным и устойчивым в характеристике Ульва. При этом, хотя высказывание Олава достаточно лапидарно и даже заключено в аллитерирующую формулу (gauðan ok gagan “рыжий и робкий”), попытка наделить знаменосца еще одним прозвищем не увенчалась успехом. В обмене репликами, в борьбе за Великого Змея побеждает Ульв: эпитет gagg как бы “повисает в воздухе”, не превращается из незаслуженного оскорбления в элемент именования. Шутка конунга явно не удалась. Иными словами, семантика “звериных” имен не была изолирована от тех языковых и культурных коннотаций, которые связывались с обозначением соответствующего животного. Обладателю имени Ульв (Волк) не должны были приписываться качества, которые несовместимы с образом волка в культуре.

Невольно возникает вопрос, что за образ представлялся древним скандинавам за именованьем Лютый Волк. До сих пор мы рассуждали так, как будто слово *baggr* только подтверждает вол-

чью сущность, ничего не добавляя к ней. По-видимому, дело обстояло все же несколько иначе. Можно допустить, что Лютый Волк мог восприниматься как нечто более обобщенное, некоторое воплощение лютости, которая связана и одновременно не связана с волком как просто представителем зоологического вида.

Рис. 4. Рунический камень из Тульсторп (Швеция)

Основание для такого утверждения нам дает, например, изображение на одном из рунических камней рубежа X—XI вв., где вырезан рунический Зверь, который с виду не больше напоминает волка, чем все прочие звери на других камнях (рис. 4). Однако рядом с этим Зверем изображено нечто, в чем исследователи, в частности Д. Эльмерс, склонны усматривать корабль мертвых, Нагльфар. Если это предположение верно, то довольно естественно связать и изображение Зверя с образом волка Фенрира, а весь иконографический сюжет на камне с эсхатоло-

гическим мотивом, когда приплывет Нагльфар, а освободившийся волк будет наступать с разверстой пастью²⁹.

В данном случае у нас есть еще одна зацепка для такого прочтения, не на уровне иконографии, но на уровне текста. Этот камень поставлен по умершему, которого звали не как-нибудь иначе, а Ульв. Именно ради него, ради этого Ульва, рунический Зверь мог быть изображен, так сказать, в своей волчьей ипостаси. Как я попытаюсь показать в дальнейшем, эта волчья ипостась и является ключевой, хотя и не единственной для интересующего нас выражения *þarga dýr*.

До сих пор мы занимались преимущественно определением, входящим в интересующее нас словосочетание, т. е. эпитетом *þargr* и прилагательным *argr*, от которого оно образовано. Напомним еще раз, что это прилагательное довольно редкое, с явно ограниченной способностью к сочетаемости: в доступных нам текстах оно, как правило, определяет слово *dýr*. Безусловно, *þarga dýr* следует рассматривать как целостное сочетание, и то, что мы с ним проделываем, расчлняя его на составляющие, возможно только при условии, что, анализируя семантику частей, мы все время будем помнить о существовании целого. Особенно это важно при анализе слова *dýr*, поскольку здесь невозможно, да и не нужно останавливаться на всех аспектах его словарного значения или рассматривать все имеющиеся контексты, каковых, разумеется, великое множество. Нас будут интересовать лишь некоторые, особые случаи, связанные с миром эвфемизмов, табуистических переименований и скрытых имен.

В первую очередь нас интересует то, что напрямую связано с именами, так как именно с именами удалось получить некоторые интересные результаты, связанные с прилагательным *þargr*. Что касается эвфемистической замены, отсылающей к родовым именованиям, то для нас представляет большой интерес один эпизод из “Старшей Эдды”, когда самый знаменитый из Вельсунгов, Сигурд Драконобойца, стремясь избежать проклятия умирающего дракона, не называет своего имени, а сообщает, что он “родовитый (украшенный знатностью) зверь” (*göfukt dýr*):

“Юнец, юнец! / Кем ты рожден? / Чей сын ты, ответь? / О Фафнира ты / свой меч окровавил; / в сердце стоит он!” Сигурд скрыл свое имя, потому что в древние времена верили, что слова умирающего могущественны, если он проклинает своего недруга, называя его по имени. Он сказал: “Я зверь благородный, / был я всю жизнь / сыном без матери; / нет и отца, / как у людей, / всегда одинок я”³⁰.

Ответ Сигурда, несмотря на свою нарочитую загадочность, был, по-видимому, достаточно прозрачен для аудитории, хорошо знакомой с генеалогией героя. Дело в том, что одним из устойчивых прозваний Вельсунгов, отсылающим именно к преданию о Сигмунде и Синфьотли, которые обладали способностью превращаться в волков, было Ильвинги (*Ylfingar*), т. е. Волчата или Волчичи³¹.

Таким образом, указывая свое родовое имя описательно, Сигурд сообщает, что он из знатного рода зверей, иносказательно подчеркивает свою принадлежность к роду Волчичей³². Иначе говоря, словосочетание “родовитый зверь” может быть истолковано здесь как ‘принадлежащий к волчьему роду’. Нет необходимости лишней раз напоминать о том, сколь значительное место волчья символика занимает в цикле о Нифлунгах в целом: “волчье” происхождение Вельсунгов вновь и вновь актуализируется во многих поворотах и деталях сюжета.

Несколько упрощая дело, можно сказать, что в рамках цикла о Нифлунгах зверь это по преимуществу волк, слово “зверь” является почти синонимом волка. Хорошо известно, что разного рода “звериные” имена занимают особое место в германском и, в частности, в скандинавском именовании. Нас при этом интересуют те специфические имена-маски, которые принимаются, как и в случае с Сигурдом Драконобойцей, лишь на время и при особых обстоятельствах. Речь идет о названиях зверей, которые выбирали себе в качестве псевдонима люди, совершившие преступление, беглецы, изгнанники, те, кто по тем или иным причинам разрывает свои связи с социумом. Как явствует из саг, зачастую они берут себе имена Волк (Ульв), Медведь (Бьёрн), Ворон (Хравн) и т. п.³³ По-видимому, в данном случае мы имеем дело не с изошренным литературным приемом, а с отражением неко-

торой, достаточно архаической реальности: согласно правилу древненорвежского судебного кодекса, убийца, заявляя о содеянном, должен был объявить свое истинное имя, а не называться волком или медведем (*callasc hvarke ulfr. ne biorn nema sva heiti hann*)³⁴.

При этом для всех совершивших преступление (прежде всего, убийство) и объявленных вне закона людей в языке права присутствовало общее обозначение *vargr* ‘изгой, изверг, враг, отторгнутый обществом’. Как известно, однако, за пределами скандинавских юридических текстов это слово значило также ‘волк’. Здесь мы вступаем в ту область, где круг значений определяющих и определяемых слов пересекается, накладывается, как бы прорастает друг в друга. Значения ‘изгой’ и ‘волк’ отнюдь не всегда были противопоставлены друг другу, в определенном смысле они не были расчленены. Так, описательно объявленный вне закона одновременно именовался “бродящим по лесу” или “лесным человеком” (*skóggangs-maðr, skógarmaðr*), сама же процедура объявления вне закона называлась, соответственно, “изгнанием, уходом в лес” (*skóggangr*). При этом следует заметить, что в поэтическом языке кеннинги и хейти (синонимы), связанные с лесом (типа “лесной житель, обитатель леса”; ср., например, *skógar skœðasögn*), относятся именно к волку, а не кому-либо из других лесных хищников.

Вообще говоря, слово *vargr* в текстах, по-видимому, связано (хотя и совершенно различными способами) с обоими элементами выражения *þarga / úarga dýr* и со всем этим словосочетанием в целом. Специфическая связь понятий *vargr, dýr* и *ulfr* особенно явно проступает в комментарии Снорри Стурлусона к слову *vargr*, который он предлагает в тексте “Младшей Эдды”. В “Языке поэзии” Снорри дает перечень хейти (поэтические синонимы) целого ряда животных, и открывается этот список описанием именно слова *vargr*:

“*Vargr* называется зверь. Его следует упоминать в кеннингах крови и трупов, называя их его пищей и его питьем. Не годится брать для этих кеннингов названия других зверей. *Vargr* зовется и волк...”³⁶.

Сам по себе этот фрагмент достаточно сложен для интерпретации. Разумеется, приведенное описание имеет в первую очередь

отношение к лексикографическим представлениям автора XIII в. Снорри выступает здесь как крупный знаток и чуткий ценитель архаики, но едва ли как непосредственный носитель древней дохристианской традиции и архаических языковых представлений. Для нас весьма существенно, однако, что, согласно Снорри, *vargr* — это зверь вообще, но при этом из всех конкретных зверей этим словом может быть обозначен только волк.

Чем же, однако, нам может помочь слово *vargr* в поиске “рефлексов” первоначального, дописьменного значения *þarga dýr* в письменных источниках? При интерпретации высказывания Снорри необходимо учитывать также очевидное сходство графического и фонетического облика слова *vargr* и слова *úargr* (*þargr*), сходство, иногда доходящее в рукописной традиции до полного тождества. В самом деле, одной из распространенных форм интересующего нас прилагательного является *úargr*, которая на письме довольно часто передавалась как *vargr*. Поскольку, как мы помним, прилагательное *þargr / úargr* употреблялось регулярно только со словом “зверь” (*dýr*), то графически это словосочетание нередко выглядело как *it varga dýr* (в рукописи “Гнилой Кожы”³⁷); ср. также *hin vaurgu dýr* (в редакции А “Саги о Тидреке Бернском”³⁸).

Могло ли такое начертание напрямую вводить в заблуждение и интерпретироваться как “волко-зверь”, “зверо-волк” или “зверь-изверг”³⁹? Едва ли, тем более что такое чтение игнорировало бы грамматический строй языка. Могла ли, однако, возможность такого прочтения обыгрываться авторами XIII—XIV вв.? По-видимому, могла. Более того, кажется вполне допустимым, что они представляли довольно широкий круг значений слов, вовлекающихся в эту игру. Выражение *þarga / úarga dýr* могло связываться со словом *vargr* “изгой, изверг, волк, зверь”, в то же время оно могло непосредственно ассоциироваться со львом как символом хищности в энциклопедической традиции и с волком, с которым, как мы предполагаем, оно было связано исконно. Например, в поэтическом тексте конца XII — начала XIII в., “Пророчестве Мерлина”, где вместе упоминаются волки и львы, лев мог обозначаться как *leó-vargr*, т. е. “лев-изверг, лев-зверь” или “лютый лев”, хотя волк назван здесь поэтическим термином *gylðir*⁴⁰.

Итак, за выражением *óarga dýr* проступает животное-символ, животное-аллегория, которое при необходимости может быть отождествлено с конкретным животным. Мы предположили, что для автохтонной западноскандинавской традиции таким конкретным животным мог быть прежде всего волк, волк как воплощение хищности, свирепости, лютости, но и могущества, хищной силы. Не исключено, что первоначально интересующее нас выражение и было эвфемистическим обозначением волка — отголоски, следы такой функции этого словосочетания в письменной традиции мы попытались продемонстрировать выше. Однако символическую, отвлеченную составляющую это выражение приобретает, судя по всему, достаточно рано.

Самый описательный характер эвфемизма порождает богатые возможности языковой игры. Сильно огрубляя дело, можно сказать, что в дописьменную эпоху так могли именоваться и некое воплощение звериности, и волк, тогда как в письменную эпоху — воплощение звериности и лев, причем в обоих случаях частное как бы не отделялось от общего. Та легкость изменения значения этого выражения в книжной традиции демонстрирует изначально присущее ему богатство семантических возможностей и многоликую природу скрывающегося за ним означаемого. Разумеется, мы по-прежнему, как и в начале работы, не можем определить наверняка, как скандинавы называли своего рунического Зверя, но, как кажется, выражение *óarga dýr* “лютый зверь” больше всего соответствует природе его изображений. При необходимости выражение *óarga dýr*, а по-видимому, и изображение Зверя на руническом камне наделялось более или менее узким и конкретным значением. Однако никогда это значение не утрачивало связи с тем неопределенным, многообразным и тем не менее вполне понятным носителем культуры обобщенным смыслом⁴¹.

¹ См.: Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи: Новые находки и интерпретации. Тексты, перевод, комментарий. М., 2001. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы.) С. 271.

² Ср.: Beck H. *Hit óarga dýr* und die mittelalterliche Tiersignificatio // *Saga og språk: Studies in Language and Literature* / Ed. J.M. Weinstock. Austin, Texas, 1972. Едва ли не единственный пример, когда *óargr* / *úargr* употребляется не

со словом *dýr*, содержится в “Саге о Храфне сыне Свейна”, где некий исландец по имени Гудмунд характеризуется как “хороший скальд и нелегкий человек, дерзкий (неробкий) (*úargr*) в отношении <с людьми>” (*Biskupa sögur*. Bnd. 1–2. Kaupmannahöfn, 1858–1878. Bnd. 1. Bls. 667). Уникальность такого словоупотребления заставляет предположить, что перед нами ошибка. В самом деле, в других редакциях саги на месте прилагательного *úargr* присутствуют эпитеты *vargr* (A 1) и *ógrigr* “недобрый, злобный” (B). О слове *vargr* и его сближении с интересующим нас *úargr* в рукописной традиции см. далее.

³ См.: *Veraldar saga* / Udg. J. Benediktsson. København, 1944 [Samfund(et) til Udgivelse at gammel nordisk Litteratur. Bnd. 61]. Bls. 31; ср.: 1-я Царств 17, 34–36; ср. также: *Konráðs saga* // *Fornøgur suðurlanda* / Udg. G. Cederschiöld. Lund. S. 64; *Konráðs saga Keisarsonar* / Ed. O.J. Zitzelsberger. N. Y.; Bern; Frankfurt a. M.; P., (American University Studies. Series 1: Germanic Languages and Literature. Vol. 63.) S. 61.

⁴ ... med hondum sinum einum banadi eno oarga dyri. См.: *Alfræði Íslenzk. Íslandsk encyklopædisk litteratur* / Udg. Kr. Kålund, N. Beckman. Bnd. I: Cod. Mbr. AM. 194, 8vo / Udg. Kr. Kålund. København, 1908 [Samfund(et) til Udgivelse at gammel nordisk Litteratur. Bnd. 37]; Bnd. II: *Rímtöl* / Udg. N. Beckman og Kr. Kålund. København, 1914–1916 [Samfund(et) til Udgivelse at gammel nordisk Litteratur. Bnd. 41]; Bnd. III: *Landalýrsingar M. Fl.* / Udg. Kr. Kålund. København, 1917–1918. [Samfund(et) til Udgivelse at gammel nordisk Litteratur. Bnd. 45.] Bnd. I. Bls. 50; ср. Судей 14, 5–6; 16, 15–17.

⁵ См.: *Veraldar saga*. Bls. 39; *Alfræði Íslenzk*. Bnd. I. Bls. 52; *Homiliu-bók. Íslandska Homilier efter en handskrift från tolfte århundradet: Íslandska skinnboken 15 qv. å Kungl. Bibliotheket i Stockholm* / Utg. Th. Wisén. Lund, 1872. S. 63; ср. Дании 6, 6–7, 16–24.

⁶ См.: *Mírmáns saga* // *Riddara Sögur* / Ed. E. Kölbjng. Strassburg; L., 1872. S. 205; ср.: *Mírmáns saga* / Ed. D. Slay. Copenhagen, 1997. (Editiones Arnarnagnæanæ. Series A, vol. 17.) P. 124.

⁷ См.: Beck H. Op. cit. S. 103–104.

⁸ ...sva mundi fara virþing S. konvngs sem it varga dyr er vaxet. geyst ibogonom oc aptr miNa (Morkinskinna / Udg. ved Finnur Jónsson. København, 1932 [Samfund(et) til Udgivelse at gammel nordisk Litteratur. Bnd. 53] Bls. 351).

⁹ *Hrólfs saga Gautrekssonar* // *Zwei Fornaldarsögur nach Cod. Holm 7, 4to* / Hrsg. F. Detter. Halle a. S., 1891. S. 13, 21; *Fornaldar sögur Nordrlanda* / Utg. C.C. Rafn. Bnd. III: 1. Kaupmannahöfn, 1830. S. 77, 95.

¹⁰ О прилагательном *argr* / *ragr* см. подробнее: *Weisweiler J. Beiträge zur Bedeutungsentwicklung germanischer Wörter für sittliche Begriffe. Erster Teil // Indogermanischen Forschungen*. 1923. Bd. 41. S. 16–29; *Sørensen P.M. The Unmanly Man: Concept of Sexual Defamation in Early Northern Society*. Odense, 1983. (The Viking Collection. Vol. 1.).

¹¹ Þav ero orð þríu, <...> er scog Gang varða avll. Ef maðr kallar mann ragan eða stroðiN. eða sorðiN. Oc scal sækia sem avnnor full rettsi orð, enda a maðr vígt

- igeign þeim orðum þrimr (Grágás. Islændernes Lovbog í Fristatena Tid / Udg. Vilhjálmur Finsen. Bnd. 1–3. København, 1852–1879–1883 [Repr.: Odense, 1974]. Bnd. 2. Bls. 392; ср.: Grágás. Bnd. 1: 2. Bls. 183–184). Термином full-réttisörð обозначались устные оскорбления, за которые пострадавший мог получить денежную компенсацию в полном объеме. Sorðinn — причастие прошедшего времени от serða ‘вступать в половые отношения (о мужчине)’. От serða при помощи метатезы был образован глагол streða с тем же значением (ср. образование ragr из argr). Соответственно, в данном случае stroðinn представляет собой причастие от streða с тем же значением, что и sorðinn — ‘выполнявший (пассивную?) роль при половом акте’.
- 12 См.: Gammel Norsk Homiliebog [Codex Arn. Magn. 619. Q.V.] / Udg. G.R. Unger. Christiania, 1864. S. 198.
- 13 В другой редакции этой саги Торгильт обращается к hit arga ok hit illa kvikindi, т. е. к “мерзкому и злобному животному, существу” (Flóamannasaga // Fornisögur: Vátnsdælasaga, Hallfreðarsaga, Flóamannasaga / Hrsg. Guðbrandr Vigfússon, Th. Möbius. Leipzig, 1860. S. 180).
- 14 См.: Flóamannasaga. Kap. 24. S. 147.
- 15 См.: Bjarnar saga Híttdælakappa / Hrsg. R. Boer. Halle, 1893. S. 46.
- 16 Ср.: Гуревич Е.А., Матюшина И.Г. Поэзия скальдов. М., 2000. С. 481–482; Finlay A. Monstrous Allegations: An Exchange of *yki* in *Bjarnar saga Híttdælakappa* // *alvissmál: Forschungen zur mittelalterlichen Kultur Skandinaviens*. 2001. Nr. 10. P. 36–38.
- 17 Ср.: Gade K.E. Homosexuality and Rape of Males // *Scandinavian Studies*. 1986. Vol. 58. N. 2 (Spring). P. 134.
- 18 ...þú vart völván í Varinsey ok kvaz vilja mann eiga.
- 19 ...vartu valkyrja í Ásgarþi, ok var víþ sjálft, at allir mundi berjaz fyrir þínar sakar, ok ek gat víþ þér níu varga á Láganesi, ok var ek faþir allra.
- 20 ...þú vart með hestinum Grana, ok reiþ ek þér á skeiþ á Brávellu.
- 21 См.: Norges gamle Love indtil 1387 / Udg. G. Storm, E. Hertzberg, R. Keyser, P.A. Munch. Bnd. 1–5. Christiania, 1846–1895. Bnd. 1. S. 70.
- 22 См.: Die Völsungasaga / Hrsg. von W. Ranisch. B., 1908. Kap. IX. S. 16.
- 23 ...var hann kona ina níundi hverju nótt ok þurfti þá karlmanns (Króka-Refs saga / Jóhannes Halldórsson gaf út. Reykjavík, 1959. (Íslenzk Fornrit 14.) Kap. VII. Bls. 134–135).
- 24 Svá hafði Helgi / hrædda görva / fiáendr sína alla / ok frændr þeira, / sem fyr úlfi / óðar rynni / geitr af fialli, / geiska fullar! (Helgakviða Hundingsbana II // Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrsg. G. Neckel. Heidelberg, 1936. Bd. 1: Text. S. 154. N 37).
- 25 См.: Landnámabók I–III: Hauksbók. Sturlubók. Melabók. København, 1900. Bls. 120, 227.
- 26 Kunni hann til alls góð ráð at leggja, því at hann var forvitri. En dag hvern, er at kveldi leið, þá gerðisk hann styggr, svá at fáir menn máttu orðum við hann koma. Var hann kveldsvæfr. Þat var mál manna, at hann væri mjök hamrammr... (Egils saga Skalla-Grímssonar / Buið hefir til prentunar Sveinn Bergsveinsson. Reykjavík, 1950 [Íslendinga sögur. Bnd. 4]. Bls. 2; Исландские саги / Под общ. ред. О.А. Смирницкой. Т. 1–2. СПб., 1999. Т. 1. С. 23). Отметим также, что отца Квельдульва звали Bjálfi, что означает ‘звериная шкура’ (Гуревич Е.А., Матюшина И.Г. Поэзия скальдов. С. 261).
- 27 En er þeir léku at skáktafli, Knútr konungr ok Úlfr jarl, þá lék konungr fingrbrjót mikinn; þá skækði jarl af honum riddara; konungr bar aprt tafl hans ok segir, at hann skyldi annat leika; jarl reiddisk ok skaut niðr taflborðinu, stóð upp ok gekk í brot. Konungr mælti: “rennr þú nú, Úlfr inn ragi”. Jarl snøri aprt við dyrrin ok mælti: “lengra myndir þú renna í Ánni helgu, ef þú kvæmir því við; kallaðir þú eigi þá Úlfr inn raga, er ek lagða til at hjálpa þér, er Svíar börðu yðr sem hunda” (Heimskringla / Udg. ved Finnur Jónsson. Bnd. 1–4. København, 1893–1900/1901 [Samfund(et) til Udgivelse at gammel nordisk Litteratur. Bnd. 23]. Bnd. 2. Bls. 371–372; Snorri Sturluson. Круг Земной / Изд. подгот.: А.Я. Гуревич, Ю.К. Кузьменко, О.А. Смирницкая, М.И. Стеблин-Каменский. М., 1980. С. 315; ср.: Flateyrbók / Udg. Guðbrandr Vigfússon, C.R. Rafn. Bnd. 1–3. Christiania, 1860–1868. Bnd. 2. Bls. 283; Fornmanna sögur. Bnd. 1–12. Kaupmannahöfn, 1825–1837. Bnd. 4. Bls. 366–367).
- 28 См.: Heimskringla. Bnd. 1. Bls. 440; Flateyrbók. Bnd. 1. Bls. 480; Snorri Sturluson. Круг Земной. С. 161; ср.: Saga Ólafs Tryggvasonar af Oddr Snorrason munk / Udg. Finnur Jónsson. København, 1932. Bls. 208–209.
- 29 См.: Ellmers D. Schifdarstellungen auf skandinavischen Grabsteinen // Zum Problem der Deutung frühmittelalterlicher Bildinhalte. Akten des 1. Internationalen Kolloquiums in Marburg a.d. Lahn, 15. bis 19. Februar, 1983 / Hrsg. von H. Roth. Sigmaringen, 1986. S. 364.
- 30 ‘Sveinn! ok sveinn / hveriom ertu sveini um borinn? / Hverra ertu manna mögr? / er þú á Fáfni rautt / þinn inn frána mæki: / stöndomk til hiarta hiörr! Sigurðr dulði nafns sins, fyrir því at þat var trúa þeira í fornaskio, at orð feigs mannz mætti mikit, ef hann bölvæði óvin sinom með nafni. Hann kvað: ‘Göfukt djr ek heiti, / en ek gengit hefk / inn möðurlausi mögr; / föður ek ákka, / sem fira synir, / geng ek æ einn saman!’ (Fáfnismál // Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. S. 176. N 1–2; Старшая Эдда // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / Пер. А. Корсуна. М., 1975. С. 279; ср.: Völsunga saga // Völsunga saga ok Ragnars saga löðbrókar / Udg. M. Olsen. København, 1906–1908 [Samfund(et) til Udgivelse at gammel nordisk Litteratur. Bnd. 36]. Bls. 42).
- 31 Ср. “Конунг Сигмунд и его род назывались Вельсунги и Ильвинги” (Sigmundur konungr ok hans ættmenn héto Völsungar ok Ylfingar) (Helgakviða Hundingsbana II // Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern. S. 146; Старшая Эдда. С. 260).
- 32 Ср.: Breen G. “The Wolf is at the door”: Outlaws, Assassins, and Avengers Who Cry “Wolf!” // Arkiv für nordisk filologi. N 114. P. 34–35.
- 33 См. об этом подробнее: Breen G. Op. cit.

- ³⁴ Norges gamle Love indtil 1387. Bnd. 1. S. 61. § 156.
- ³⁵ См.: *Jacoby M. Wargus, vargr* 'Verbrecher, Wolf': eine sprach- und rechtsgeschichtliche Untersuchung. Uppsala, 1974. (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Germanistica Upsaliensia 12.) S. 111–121.
- ³⁶ Vargr heitir dýr; þat er rétt at kenna við blóð eða hræ svá, at kalla verð hans eða drykk; eigi er rétt at kenna svá við fleiri dýr. Vargr heitir ok úlfr... (*Snorri Sturluson. Edda* / Udg. Finnur Jónsson. København, 1900. Bls. 129).
- ³⁷ См.: *Morkinskinna*. Bls. 351.
- ³⁸ См.: *Þiðriks saga af Bern* / Udg. H. Bertelsen. Hefte 1–2. København, 1905–1911 [Samfund(et) til Udgivelse at gammel nordisk Litteratur. Bnd. 34]. H. 1. Bls. 353.
- ³⁹ В свое время сходство vargr и úargr послужило стимулом для их этимологического сближения. В частности, весьма нетривиальная этимология слова úargr была предложена в едва ли не самом авторитетном словаре древнеисландского языка Ричарда Клизби (*Cleasby R. The Icelandic-English Dictionary / Enlarged and compl. by G. Vigfusson. Oxford, 1874. P. 658*). Трактровка Р. Клизби сводится к следующему: слово óargr, возможно, является не отрицательной формой прилагательного argr / ragr, но происходит непосредственно от слова vargr и первоначально выглядело как *of-vargr, на что и указывает написание в рукописях, о которых я говорил выше. Таким образом, *of-vargr означает своего рода 'сверх волк' или 'сверх изверг', а выражение óarga dýr исходно означало нечто вроде 'зверя со сверхволчьей природой'. Нетрудно заметить, что такое понимание очень хорошо, даже слишком хорошо вписывается в нашу картину бытования этого выражения. Тем не менее этимология Клизби не вызывает немедленного желания к ней присоединиться.
- ⁴⁰ См.: *Gunnlaugr Leifsson. Merlínússpá* // *Den norsk-isländska skaldediktningen / Reviderad av E.A. Kock. Bnd. 1–2. Lund, 1946–1949. Bnd. 2. S. 21–22. N 52*.
- ⁴¹ Исследователям средневековой Руси хорошо знакома проблема древнерусского выражения "лютый зверь", известного хотя бы из знаменитого "Поучения" князя Владимира Мономаха в составе Лаврентьевской летописи и "Слова о полку Игореве". Вообще говоря, судьбы восточнославянского и западноскандинавского словосочетаний столь поразительно похожи, что мысль о взаимодействии двух культурных традиций в этой точке напрашивается сама собой. Помимо нашей работы, специально посвященной этому вопросу (*Успенский Ф.Б. Лютый зверь на Руси и в Скандинавии* // *Славяноведение. 2004. Т. 2. С. 88–105*), укажем еще ряд исследований, где обсуждается проблема значения древнерусского выражения: *Буслаев Ф.* Значение собственных имен: Лютичи, Вильцы и Волчки в истории языка // *Временник Имп. Московского общества Истории и Древностей Российских. 1851. Кн. X; Клейнберг И.Э.* Лютый зверь в печатях Великого Новгорода XV в. // *Вспомогательные исторические дисциплины. 1969. Т. 2; Сумникова Т.А.* О словосочетании "лютый зверь" в некоторых памятниках восточ-

нославянской письменности // *Балто-славянские исследования 1984. М., 1986* (с указанием литературы); *Топоров В.Н.* Вокруг "лютого зверя" (голос в дискуссии) // *Балто-славянские исследования. 1986. М., 1988; Савельева Н.В.* Лютый зверь // *Энциклопедия "Слова о полку Игореве": В 5 т. СПб., 1995. Т. 3. С. 189–190* (с указанием литературы); *Королев Г.И.* Несколько дополнений к "лютому зверю" // *Гербоведъ. 1998. № 30; ср. также: Топоров А.Л.* Заговоры в русской рукописной традиции XV–XIX вв.: История, символика, поэтика. М., 2005. С. 46–110.